

Мадам Боунс покинула больницу поздно вечером, убедившись, что Гарри вне опасности. После того, как целители из отделения неотложной помощи стабилизировали его состояние, его перевели в отдельную палату с усиленной охраной. Однако перед уходом ведущий целитель вручил ей несколько листов пергамента с описанием повреждений, обнаруженных при сканировании. Лицо его было мрачным, когда он передавал ей эти документы. Пергамент подтверждал, что мальчик страдал от частичной одержимости, которая, к счастью, исчезла. — Мы оставим его здесь, в одной из наших частных лечебных комнат, — произнес целитель. — По крайней мере, следующую неделю мы будем насильно кормить его обильным зельем. — Спасибо, — ответила Амелия. — Я также приставлю к нему круглосуточную охрану. — Только проследите, чтобы тот, кто это сделал... — прорычал целитель, указывая на пергамент, — ...был привлечен к ответственности. Я буду свидетельствовать на суде над преступником. — Принято, — вздохнула мадам Боунс. — Вы позаботитесь о нем, а я позабочусь о преступнике. Наступило утро после событий Сортировочного пира. Мадам Боунс прервала свое расследование лишь на несколько часов, за которые ей удалось поспать всего три часа на раскладушке в своем кабинете. Она просмотрела воспоминания, собранные ею и ее аврами у сотрудников и учеников школы, и они подтверждали информацию, полученную от мадам Помфри и профессора Флитвика. Теперь она изучала документы Министерства, пытаясь найти сведения о том, где и с кем жил мальчик. Гарри не был слишком откровенен, когда она разговаривала с ним в последний раз. Она также пыталась понять, почему мальчик обвиняет Альбуса Дамблдора, Минерву МакГонагалл и Рубеуса Хагрида в преступлениях против него. Из документов Министерства она узнала, что почти все они были запечатаны самим Альбусом Дамблдором. И что Альбус Дамблдор назначил себя магическим опекуном мальчика. Не совсем понятно было то, что магический опекун требовался только в том случае, если несовершеннолетний был магглорожденным, а Гарри таковым, безусловно, не являлся. Ей предстояло поговорить с Дамблдором, МакГонагалл и Хагридом, так как, судя по всему, мальчик знал, что они имеют отношение к его исчезновению и последующему жестокому обращению. Зная склонность старика пренебрегать законом, когда это не соответствовало его целям, она понимала, что ей предстоит нелёгкая борьба за то, чтобы выудить из него хоть какую-то информацию. — Скримджор! Шеклболт! Сюда! — прорычала она, вставая из-за стола и распахивая дверь. Вернувшись к своему столу, она дождалась, пока двое старших авроров войдут в кабинет. — Подготовьте ротационный список из минимум двух человек для круглосуточной охраны мальчика до дальнейших распоряжений, — распорядилась она. — И, — прорычала она, — если Альбус Кровавый Дамблдор или любой другой сотрудник Хогвартса, за исключением Поппи Помфри, попытается приблизиться к нему, я хочу, чтобы им было категорически отказано во входе. Если они будут упорствовать — немедленно арестуйте их и вызовите меня. И лучше, если они будут в чёртовых магических наручниках, когда я приду. Я правильно понял? — Да, мэм! — ответили они оба. — Хорошо, — сказала она категорически. — Теперь, выметайтесь! Они разбежались. Как только они покинули ее кабинет, она вызвала руководителей Департамента по работе с магическими детьми, Отдела по борьбе с неправомерным использованием магии и Отдела по борьбе с обязательством. Она хотела знать, где хранятся документы на одного Гарри Джеймса Поттера. А во втором и третьем кабинетах должны были храниться записи о случайных магических действиях, совершенных мальчиком до поступления в Хогвартс. Поскольку она расследовала дело о внезапной смерти Квиринауса Квиррелла, она имела право открыть запечатанные файлы, касающиеся Гарри Поттера, который, как оказалось, был хотя бы в некоторой степени виновен в смерти этого человека. Когда мадам Боунс возвращалась в частную палату больницы Святого Мунго, где Гарри проходил курс лечения, у входа ее остановил весьма озабоченный вид старшего аврора Кингсли Шеклболта. — Мэм, я хочу попросить вас выделить сюда ещё пару авроров, — взмолился он. — И почему же, Кингсли? — спросила она. — Мне уже дважды пришлось отказать Альбусу Дамблдору в просьбе войти. Кроме того, несколько минут назад здесь был лорд Гринграсс с требованием войти, чуть раньше пришла мадам Лонгботтом, а также несколько

журналистов и фотографов, — ответил он. — Дамблдор, я понимаю, — размышляла мадам Боунс. — И да, моё решение о том, что ему запрещено входить в комнату, остаётся в силе, как и в отношении остального персонала Хогвартса, за исключением мадам Помфри. Однако вы не знаете, что мистер Поттер обручён со старшей Дафной лорда Гринграсса. Поэтому вы можете предоставить ему доступ. Дома Поттер и Лонгботтом являются союзными домами, поэтому мадам Лонгботтом также может быть разрешен доступ. — Она добавила: — Я добавлю сюда второго аврора для подстраховки. В соответствии со стандартами, сообщите тому, кто к вам присоединится, что никто не должен говорить об этом с прессой, я правильно понял? Почтительно кивнув, Шеклболт ответил: — Да, мэм; спасибо, мэм. Кивнув головой, мадам Боунс вошла в комнату. Гарри Поттер по-прежнему был без сознания, но рядом с ним находился целитель, который с помощью чар заставил мальчика выпить зелье. — Как он? — спросила мадам Боунс. — Выздоровливает, — ответил целитель. — Мы погрузили его в беспробудный сон, пока даем ему зелья, чтобы восстановить повреждения, нанесенные его телу. Иначе он мог бы немного пострадать от боли. — И как долго вы собираетесь держать его в состоянии сна? — спросила она. — Надеюсь, что сегодня к ужину он проснется, — ответил целитель. — К тому времени боль от целебных зелий станет не более чем раздражающим фактором, — прошептала целительница, — а его магия устранил все затянувшиеся симптомы. Мадам Боунс, поклонившись, ответила: — Как я и обещала, со мной свяжутся, как только он очнется. Я буду в своем кабинете в Министерстве. Целительница кивнула в ответ: — Да, мадам Боунс. И продолжила свою работу, наблюдая, как леди направляется к выходу. — Давай, Гарри, — прошептала она, глядя на спящего юношу, — мне нужно с тобой поговорить. На следующее утро, после "инцидента", как о нем говорили, профессор Северус Снейп, мастер зелий, только что закончил урок, когда в дверях его класса появился человек, в котором он узнал отца одной из своих новых змей. — Лорд Гринграсс, — промурлыкал Снейп, едва заметно хмурясь. — Чем обязан такой чести? — Я пришел забрать свою старшую дочь, мастера зелий, Дафну. Полагаю, она одна из ваших, — сказал Сигнус, сдержанно, но холодно. — Действительно, — ответил Снейп, не скрывая своей неприязни. — Я так понимаю, это семейное дело? — Да, — ответил Сигнус, не став уточнять, что именно побудило его забрать дочь из Хогвартса. — И когда мы можем ожидать ее возвращения? — Скорее всего, сегодня вечером; возможно, завтра утром перед занятиями, — ответил Снейп, делая вид, что ему неинтересно. — Рискну предположить, что она будет сейчас в общей комнате Слизерина. Я полагаю, вы помните дорогу? Кивнув головой, Сигнус ответил: — Конечно. Снейп, почти пренебрежительным жестом, бросил: — Пароль — "хитрость и коварство". Я сообщу остальным сотрудникам за ужином, что мисс Гринграсс будет отсутствовать по семейным делам не позднее завтрашнего утра. — Спасибо, мастер зелий, за внимание, — сказал Сигнус, едва заметно кивнув головой в знак признания, и, повернувшись на пятках, вышел из класса, направляясь в общую комнату Слизерина.